

Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) занимает особое место среди поэтов допушкинской эпохи. Именно Батюшков проложил в русской поэзии тропинку, которая была превращена в столбовую дорогу гением Пушкина. А жизнь Батюшкова волей неподвластных человеку сил рассклалась на две части — равные по протяжённости, но несопоставимые.

Анатолий Голубев

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XIX ВЕКА. ЕЩЕ не взошла поэтическая звезда Пушкина. В русской поэзии на слуху другие имена — от уже постаревшего классика Державина до молодого романтика Жуковского. В петербургских салонах знакомятся и общаются друг с другом художники, музыканты, литераторы. Организуется "Вольное общество любителей словесности, наук и художеств". Карамзин издаёт литературный журнал "Вестник Европы".

Именно тогда на литературном горизонте появилось новое имя — Константин Батюшков. Он молод, моложе Жуковского на четыре года.

При поддержке Николая Гнедича, переводчика "Илиады", Батюшков напечатал первые свои стихи. Всё складывалось удачно, и молодой поэт даже представить себе не мог, какую участь готовит ему судьба.

Но это — потом.

А пока Батюшков полон замыслов. Побывав в Италии, преисполненный востор-

гов, он принялся за перевод поэмы Торквато Тассо "Освобождённый Иерусалим". Сочинил несколько десятков лирических стихотворений, привнес в русскую поэзию, проникнутую славянским величием державинских од, музыкальность и гибкость итальянского языка.

Получив образование в частных

французских пансионах Петербурга, Батюшков прекрасно владел итальянским, французским и немецким языками. Была в его натуре ещё одна особенность: романтическое преклонение перед ратными подвигами.

В 1807 году он добровольцем ушёл на войну с Наполеоном. Прусский поход завершился для молодого офицера тяжёлым ранением. Но это не охладило упоения воинской жизнью:

"Какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утруждённых ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды!"

Ужасы войны и тяжёлая наследственность стубили душу поэта

Угнетённый романтик

Раненого поэта перевезли в Ригу и поместили в доме немца-мясоторговца Мюгеля. Г-н Мюгель отнёсся к благородному воину уважительно, фрау Мюгель — с чисто материнской нежностью. А их дочь...

Семнадцатилетняя Эмилия Мюгель стала первым любовным увлечением Константина Батюшкова. Их чувство было взаимным, разлука — неизбежной. Родители влюблённых никогда бы не дали согласия на брак: их непреодолимо разделяли социальный барьер, религия, национальность и политика.

Два месяца в Риге стали едва ли не самыми счастливыми в жизни поэта. Батюшков уезжал с болью в сердце. Позже он не раз жалел, что не попытался изменить судьбу.

1809 год. Снова армия, финляндский поход, участие в так называемой Второй Северной войне — со Швецией. Батюшкову тяжело:

"Я подал просьбу в отставку... за ранами, через князя Багратиона, и надеюсь, что скоро выйдем решение. Так нездоров, что к службе вовсе не гожусь..."

Отставка вышла в конце мая 1809 года. Побывав недолго в Петербурге, Батюшков отправился в Хантоново — унаследованное от матери имение.

РОССИЙСКАЯ ГЛУШЬ, ДО БЛИЖАЙШЕГО губернского города (Вологды) более ста вёрст по непроезжей дороге через леса и

болота. Полуразрушенный барский дом, заросший парк с прудами; в доме живут две незамужние сестры поэта, Александра и Варенька.

Здесь Батюшков сочинил "Видение на брегах Леты" — большую сатиру на современную русскую литературу — и послал её Гнедичу. Прочитанная в салоне Олениных сатира вызвала всеобщий восторг. Рукописные копии вмиг разошлись по Петербургу и Москве. С этого времени имя Батюшкова у всех на устах. Почти безвестный до того, поэт обрёл популярность.

С 1810 года Батюшков поселился в Москве, однако вскоре поддался уговорам Гнедича и возвратился в Петербург, где получил должность в Императорской публичной библиотеке.

Петербургский период продолжался недолго. 12 июня 1812 года Наполеон перешёл границу России. В жизнь Батюшкова снова вторглась война.

Поэт опять в действующей армии, в должности адъютанта легендарного генерала Раевского участвует в заграничном походе против Наполеона.

Его отношение к войне переменилось уже в самом начале, когда он увидел сожжённую Москву. Теперь война — не цепь доблестных побед и благородных смертей, а средоточие жестокостей и неизбывного горя.

"Меднобрющая" пламенная муза впала в тоску и апатию. В январе 1816 года лейб-гвардеец Измайловского полка Константин Батюшков ушёл в "чистую отставку" — навсегда порвал с военной службой.

КОГДА ОН ВЕРНУЛСЯ В ПЕТЕРБУРГ, промелькнули первые нераспознанные признаки душевного надлома. В завязавшемся романе с Анной Фурман Батюшков был пассивен и нерешителен, словно страшился чувства. По собственному решению он "запретил быть" этой любви. И уже не мог избавиться от преследовавшей его русской хандры — даже в серьёзно-весёлом литературном обществе "Арзамас", этой вольной самозванной академии талантов и гениев.

Первая книга Батюшкова "Опыты в стихах и прозе", изданная в 1817 году, оказалась единственной — близился роковой удар.

Хандра сменилась приступами тяжёлой депрессии, или, как тогда говорили, "чёрной меланхолии". Явилось и застучало в дверь то, чего он в глубине души боялся всю жизнь, — дурная семейная наследственность. Упомошательством страдали дед, рано умершая мать, сестра Александра. Недуг не пощадил и его.

Катастрофа разразилась в 1821 году, ровно на половине отпущенного Батюшкову срока жизни. Диагностика на расстоянии почти в 200 лет затруднительна, да и психиатрия того времени пребывала в зачаточном состоянии. По описаниям симптомов можно предположить, что по-

